

Д.А. Хомяков

Собор, соборность, приход и пастырь

Из статьи Д.А. Хомякова «Соборное завершение и приходская основа церковного строя», 1906 г.

Введение

Действительно ли Русская Церковь дремлет потому, что у ее изголовья не стоит имеющий ее постоянно будить патриарх, и что нет соборных периодических заседаний; и действительно ли она не имеет в народе должного значения потому, что приход лишен прав юридической личности? Эти положения появились “почти как аксиомы”; и если есть, де, о чем спорить, то разве о подробностях. Но действительно ли “тело церковное” изнывает оттого, что нет патриарха, нет постоянного функционирующего соборного института, и что ноги оно так шатки потому, что приход не может приобретать имущество на свое имя и распоряжаться храмом, как собственностью, и выбирать священников - этого доказать еще никто не пробовал, а общенародного голоса в этом смысле не раздалось. Единственное, что за последнее время было ясно и точно выражено народом по церковному делу, это то, что народ сознает для себя необходимым иметь пастырей добрых, т.е. таких, какие соответствуют его о пастыре представлению, полагающих душу за овцы, и это выражение было добыто не голосованием, а проявилось просто в безпримерной всероссийской известности и славе о. Иоанна Кронштадтского.

Известность его и слава, конечно, не могут объясняться ни чудесами, ибо они относятся только к меньшинству из притекающих к нему лично или иным, косвенным путем: громадное большинство его почитателей чудес и исцелений у него не просило и не искало таковых; его благотворительность была не причиной, а последствием притока к нему жертв от уже оценивших его православных. Объяснима его, охватившая всю Россию, слава только тем, что народ, веками ищущий себе пастыря идеального и в нем полагающий суть церковного строя, внезапно услышал, что такой пастырь явился, и он всем сердцем бросился к нему, чем и показал, что он ищет разрешения всего для церкви нужного в исправлении наиболее слабого пункта нашего церковного обихода: он ищет пастыря себе. Иначе сказать, в России весь церковный вопрос вращается около этого живого средоточия.

Но что для “церкви простецов” ясно, то, по-видимому, сокрыто от “премудрых и разумных”. У нас вместо постановки, на основании народного приговора, вопроса о том: «да как бы вызвать к жизни побольше отцов Иоаннов?» - тотчас решили, что, де, необходимо реформировать высшую церковную администрацию; а в ответ раздалось голоса, что, де, спасение в приходе, облеченном правами юридического лица. Невольно приходит на мысль следующее сопоставление вопросов: если бы в большинстве русских приходов явились настоятелями достойные последователи св. Сергия Радонежского, св. Серафима Саровского и о. Иоанна Кронштадтского, оживилась ли бы церковная жизнь в наших приходах, городских и сельских, а следовательно и в комплексе их - епархиях и во всей Русской Церкви [1]? Мне представляется, что ответ должен быть положительный. Ну, а что же получится, если, вместо нынешнего Синода и его порядков, до безправного прихода включительно, явится поместный Собор с

патриархом, и все приходы обратятся в юридические единицы?

Что это, действительно, при теперешнем церковном персонале, при теперешнем вялом духе, даст Церкви и жизнь и цветение - позволительно в этом сомневаться, и вот на каких основаниях: управление Церковью и ее ячейчатая организация постоянно видоизменялись: первое - в отношении точности осуществления основного канонического идеала, а вторая - в смысле большей или меньшей независимости ячеек; и, однако, едва ли возможно доказать, что корректные формы давали всегда желательные результаты. Например, говоря о соборном начале: далеко не везде соборный строй выдерживался строго, и менее всего, пожалуй, в древней России. Однако древняя Русь, хотя и пользовалась самым несовершенным церковным управлением, все-таки сохранила в себе веры так много, что даже теперь достаточно явиться пастырю истинно по сердцу русскому, как вся Россия обращает к нему свои взоры и готова отдать себя в его водительство [2].

Народ, думая мы, пожалуй, исключительно ищет в Церкви духовной стороны ее деятельности: он более придает значения Церкви мистической и даже несколько, может быть, умаляет значение церкви - организации, церкви видимой (в чем, пожалуй, заключается основное отличие "общенародного" православия от старообрядчества); тогда как правящие церковные сферы, вместе с церковной интеллигенцией, конечно не забывая о мистической стороне Церкви, выработали свой особый штандпункт, при котором организация церковной видимой жизни получает окраску более свойственную культуре самих этих высших церковных слоев, которые суть вместе и слои общекультурные - плоды культуры западной с ее склонностью к форме более выраженной, чем каковой обладает простой русский человек. Хотя этих простых людей и больше, чем интеллигентов, тем не менее, видимо, последние дали "свою" окраску делу "церковного обновления"; и нам приходится считаться с этим возобладавшем течением, которое мы почли бы вполне законным, если бы оно шло только рука об руку с теми действительно чисто церковными запросами, которыми живет простой православный люд, этот главный (по числу и по непосредственности) хранитель благочестия, как выразились некогда восточные иерархи в известном ответе их папе Пию IX [3].

I. Собор и соборность

Точка отправления для желания воссоздать соборное управление находится как в истории Церкви, начинающейся почти что с т.н. Иерусалимского собора Апостолов, так в канонах, требующих периодического созыва соборов, и, наконец, в самом Символе, называющем Церковь соборной. Хотя последнее слово и есть перевод слова "кафолический", тем не менее, несомненно, что подобранное славянскими переводчиками слово находится в связи с идеей Собора, как выражения церковного единения. Таким образом, идея соборности, действительно, так присуща обществу, основанному на начале единения, по возможности полного («Да будут едино, якоже Мы»), что, кажется, нечего бы и толковать о необходимости восстановления того, что в сущности не могло никогда бездействовать, если только соборная Церковь, действительно, не переставала существовать сама, а это, конечно, недопустимо. Мы думаем, что, действительно, если бы соборности не было в Церкви, то и ее бы самой не было. Были ли, однако, соборы за последние 200 лет в России? Да и на Востоке так ли они действуют, как того требуют Апостольские правила и истекающие из них, или, по крайней мере, сродственные им, постановления соборов Никейского и иных? Кажется,

на этот вопрос ответ один - отрицательный. Значит, в Церкви перестал функционировать орган, почти что абсолютно жизненный, а все-таки Церковь существует и действенна! Если скажут, что, де, при патриархах существуют соборы даже постоянные, что греческий и румынский синоды, да пожалуй и наш - соборные учреждения, что даже в Австрии при карловицком митрополите собираются соборы, то всякий же признает, что эти учреждения очень далеки от того, что требуется канонами. Итак, настоящее соборное управление, которое особенно устойчиво функционировало с IV века до XI-XII, за каковое время насчитывают некоторые более 1000 соборов, постепенно слабеет в позднейшие века; но в этом отношении века до-константиновские представляют явление почти подобное. Обычай ежегодных соборов по Апостольским правилам был вовсе не всеобщий, и некоторые даже думают, что это правило, занесенное в Апостольские правила, имеет происхождение местное, именно сирийское. Так, в Италии частые, срочные соборы были мало в ходу, равно как в Египте, и тем не менее эти церкви были строго православны и процветали. Но если формально внешнее "соборование" было не везде одинаково развито, то это вовсе не доказывает, что дух апостольского строя был менее жив в одной церкви, чем в другой. Суть соборного начала состоит вовсе не в обычае совместного сидения по делам догматическим или дисциплинарным одних епископов, епископов ли с пресвитерами и мирянами, а "в духе соборности", т.е. потребности постоянного единения во всем, касающемся церковной жизни, между членами Церкви и частными церквями, одних с другими.

Приходит на память по этому поводу одна глава в книге проф. Ешевского, "Аполлинарий Сидоний", в которой он, рассказывая о положении Церкви в Галлии в V веке, между прочим говорит, что в это время церковная жизнь была так тесно объединена живым интересом церковности, что мельчайшие церковные дела на Западе живо обсуждались на Востоке, и обратно. Не есть ли это истинная соборность, которая составляет суть церковной жизни? Иными словами: не есть ли "соборность" - взаимная, выражаемая видимо любовь, выражаемая разными средствами и приемами, И между прочим - и путем совместного совещания по делам: епископов ли одних, епископов ли с пресвитерами и мирянами, всегда стремящаяся к одному: к единству, к «единству любви в союзе мира»? Такой взгляд на соборы, как на выразителей "духа соборного", составляющего суть церковного строя, а не как на "учреждение", имеющее "абсолютную о себе" цену, и тем большую, поскольку оно лучше организовано, находит себе подтверждение в древнем строе той же нашей допетровской Руси.

Нельзя не признать, что постоянное церковное управление в ней было не то, что принято называть в точном смысле соборное, но оно было и вполне соборным по духу его. Соборность в ней была живая, не ограничивавшаяся иерархическим соборованием, проводившая начало "общения" до возможных пределов во всех церковных делах, больших и малых. Петр, переделывая церковное управление по-своему, не отменял соборного порядка управления, а только ввел ложную соборную форму вместо прежней живой, но почти безформенной соборности; и с его легкой руки именно формально соборная церковная власть постепенно вытравила из обихода живую соборность, даже до самых ее основ видимых, (ибо соборность внутреннюю уничтожить нельзя, она-то и спасает), так, что теперь почти не осталось о ней понятия. О соборности, как учреждении, как церковной высшей власти, теперь горячо и сильно хлопчут, а о восстановлении соборного духа, долженствующего идти снизу вверх и там завершаться в Соборе видимом, и помину нет.

Если бы потребность такой соборности была жива или ожила, то она бы и проявилась прежде всего в жизни епархиальной; но, хотя мы и читаем о “собориках” поместных, эти самые совещания показали яснее всего отсутствие духа. Идут разговоры почти исключительно о формах и реформах, и почти везде эти разговоры завершаются голосованиями, т.е. решением по счету голосов, иначе - тем порядком, который даже государь Николай Павлович считал возмутительным в церковных вопросах (ср. “Ист. Об. Прокуроров”, г. Благовидова). Сколько времени, как в каждой епархии существуют съезды духовенства по делам хозяйственным, и никогда на этих съездах (кажется) не подымались вопросы об общецерковных духовных интересах! Да и никогда, кажется, сами архиереи не присутствовали на съездах, а только утверждали или не утверждали мнения таковых. То же являет и само духовенство: чувствовало ли оно потребность лично сообщаться для разговоров о пастырских обязанностях[4] своих? А с прихожанами соборовать никогда священникам и в голову не приходило. При таком совершенном оскудении духа общения, который и есть основа всякой соборности, возможно ли восстановить истинно-соборное начало, а не только одно формальное соборование, канонически аккуратное? Тот характер, который приняли прения о соборах, или Соборе, заставляет думать, что действительно хотят воскресить лишь институт, конечно очень почтенный, безусловно необходимый для правильного течения церковной жизни, если он ее собою выражает, а о том, что он должен быть “по существу” - забывают.

В Соборе видят, кажется, почти исключительно - “высший трибунал”; а не ценен ли он только как выражение “духа единения”, “духа соборности”, который сам по себе основа церковной жизни, принимающей формы всяческие, и в том числе видимую форму “собрания”. Если бы на Собор смотреть с широкой, чисто церковной, точки зрения, то, кажется, не могли бы получить такую острую форму споры о составе Собора: из одних ли епископов ему состоять, или из епископов с пресвитерами и мирянами? - и с вечными возвращениями к примеру собора Апостольского. Ведь, если все дело церковное основано на единении, то ясно, что от церковного дела никто из членов Церкви не может быть устранен; а если этот принцип принять, то из него вытекает, как следствие, что всякий член Церкви всегда может соглашаться или не соглашаться на любое постановление, сделанное - Собором в “любом составе”. Если так, то соглашаюсь ли я на постановление, сидя за одним столом с епископами, или не сидя с ними, или я при тех же условиях не соглашаюсь, могу голос свой подать и во время заседаний, и после, - то не второстепенное ли дело о том, из кого состоит собор? Важно, чтобы на Соборе, из кого бы он ни состоял [5], не решали дела, как это делается в гражданских учреждениях, обладающих принудительной властью, большинством; а чтобы все творилось, «изволившу Св. Духу», а Св. Дух есть “дух единения”, а не разногласия. И если бы положен был этот взгляд в основу вопроса о Соборе у нас, то, вероятно, не только все дело бы устроилось, но взгляд на этот вопрос дал бы и всем остальным вопросам характер иной, более церковный, менее формальный, чем какой принимает теперь дело церковного обновления.

Идет оживленный спор о праве иереев и мирян участвовать на соборах, то с решающим, то с совещательным голосом. Да отчего бы мирянам не участвовать на соборе, не только потому, что они участвовали на Иерусалимском соборе, но и потому, что Церковь есть сама всемирный Собор, который потому лишь не заседает формально и постоянно, что этого сделать фактически нельзя? Но если миряне не илоты в вере, то ясно, что они же

и участники в решении церковных дел, с тем лишь отличием от иерархов, что иерархи призваны к этому “по долгу служения”, а миряне этой обязанности могут и не нести; это то же, что вопрос об учительстве и проповеди, да даже и о совершении таинств. Если мирянин может “по нужде” крестить и не лишен права проповедывать, то его отличие от клира только в том, что он не “специально” к этому призван, не он официальный орган Церкви, тогда как клир призван и получил для исполнения сего особую благодать, которой не вовсе лишены миряне. Участие мирян в соборах не есть, следовательно, принципиальный вопрос, а только вопрос “большого или меньшего удобства”: вопрос основной, это тот, как решаются церковные дела: единодушием или большинством? Если единодушием, т.е. если тогда только считаются принятыми решения, когда достигнуто единение, то присутствие или неприсутствие мирян, с голосом решающим или совещательным, совсем не важно. Но если поставить соборное делание не почву “урн и шаров”, тогда, конечно, вопрос делается острым, и миряне будут настаивать на формальном участии в соборованиях.

Что теперь так горячо именно об этом толкуют, это самое служит печальным признаком отсутствия в большинстве современного церковного общества соборного духа, а без этого, конечно, форма соборности ничему не принесет пользы, а еще более делу навредит, внеся в церковную жизнь “лжеподобие” чего-то очень почтенного и почти священного, в своем истинном виде, и не почтенного и тем менее священного, в искаженном. И чем более в соборность эту будет внесено выработки и утонченности технической, тем будет хуже. Без патриарха, избранного Собором, можно обойтись; но горе, если у нас заведутся патриархи, избранные большинством. Да и от всяческих решений соборов, вышедших не из объединения о Духе, а из баллотировочного ящика, хотя бы и окропленного иссопом, - и от них храни нас Промысел!

Таким образом мы приходим к заключению, что основа соборности, этого столь вожделенного вида проявления церковной жизни и церковного самосознания, направленного на благоустройство жизни Церкви в ее видимой части, должна быть искаема не в законоположениях о таком или ином созыве так или иначе организованных соборов, а в обнаружении духа единения, во имя церковных интересов, в самом народе церковном, в котором жив, конечно, но жив прикровенно этот дух единения, только направленный более на мистические, чем на бытовые, церковные дела. Церковь мистическая действует всегда соборно, в высшем смысле этого слова, но, конечно, желательно, чтобы эта высшая соборность применялась и к потребностям Церкви видимой в ее земном проявлении. Начало этому, конечно, надо полагать в самой народно-церковной жизни и, восходя от нее, доходить до соборности всецерковной. Вероятно, это чувство, очень важное само по себе - и навело в 1870-х годах (особенно горячо выступил Д.Ф. Самарин) многих лучших людей из мирян на мысль о том, что вся церковная перестройка должна начаться с прихода: это “де” ячейка всего церковного организма. Теперь же эту мысль выдвинули вперед и поставили на одну доску с вопросом о соборах представители, если можно так выразиться, церковной демократичности.

II. Приход и Церковь

Весь нижний устой Церкви, по учению сторонников приходской автономии, должен заключаться в приходских единицах, снабженных правами широкого самоуправления, как по духовной части, так и по имущественной, доводимыми некоторыми до права

самообложения. Между сторонниками приходского переустройства есть много градаций понимания, сходятся же все на праве прихода избирать священников, конечно не без высшего контроля епископа, утверждающего или не утверждающего выборы, но с возможным ограничением “иерархического произвола”, и, особенно, на признании за приходом прав юридического лица, со всеми имущественными правами и с обращением храма, как недвижимости, в собственность прихода, имеющего ведать свои интересы, и духовные и материальные, порядком коллегиальным, в котором пресвитерство сводится на нечто очень несходное с точным смыслом его исконного наименования, а следовательно и его изначального призвания.

Основной вопрос составляет и здесь, как и в вопросе о Соборе (что есть соборность?): что собственно должно почитаться ячейкой всего церковного здания? Конечно, отвечают многие, - приход! и этот ответ повторяется, как эхо. На чем такое утверждение основано? Одно несомненно, это то, что история Церкви этого взгляда не подтверждает. Самые первые местные группы христианские, какие нам известны оформленными, - ибо мы в сущности не знаем, как были организованы христианские общины самых первых времен внутри себя, - являются апокалиптические семь церквей, с ангелами - епископами во главе. За сим мы знаем, что первоначально пресвитеры были лица, группировавшиеся вокруг епископа. Так называемые “домашние церкви”, конечно, ничего общего с приходом не имели и, конечно, не послужили основой для приходской организации. Кажется, что приходы, прежде всего, начали образовываться в нашем настоящем смысле - в Риме; но все-таки выделение их в самостоятельные общины едва ли было сколько-нибудь древнее; и там хозяйничал в экономическом отношении все-таки епископ, и во время гонений, да и после, когда имущество римской церкви достигло таких громадных размеров, как, напр., при Григории Великом. Таким образом, приходская организация едва ли когда-нибудь составляла живую ячейку; и это по той простой причине, что в Церкви органическая ячейка должна быть, как во всем живом, одарена всеми элементами завершенности в себе самой. Такая завершенность предполагается только в такой единице, которая есть, так сказать, микрокосм; от соединения микрокосмов получается макрокосм. Такая единица без полноправного завершителя, епископа, немислима. Первоначально даже церковные таинства совершались епископами, и только по его уполномочию - пресвитерами. Таким образом, идею ячейки разрешает не приход с иереем во главе: это явление не исконное, и во всяком случае никогда приходы не претендовали на иное что-либо, как только на удовлетворение практических потребностей богослужения и той группировки, которая вызывалась и вызывается условиями обитания совместного.

Нам думается, что для верного принципиального определения значения прихода недостаточно смотреть на него с точки зрения так или иначе понятого практицизма, т.е. определять его возможную полезную самодеятельность по умозрительным соображениям; надо сначала выяснить себе его место в церковной жизни, с точки зрения понимания самой идеи Церкви: тогда можно будет точно сказать, какую роль он может играть в церковной жизни, не рискуя сойти на нет, с одной стороны, или развиться до роли, допустимой лишь, напр., в пресвитерианской организации. Прежде всего надо поставить вопрос: есть ли приход явление положительного характера, связанное с идеей Церкви, в ее основе, или, наоборот, явление т.е. отрицательное, вносящее в идею церковности идеальной ноту земного несовершенства.

Так как приход, как исторический факт, не возводится до первоначальных страниц

церковной истории, чем он, как явление, совершенно отличен от Собора, то мы можем смело сказать, что он явление просто бытовое, истекающее из условий человеческого обихода, не допускающего формального, видимого объединения всех во внешней жизни. Он именно есть видимое выражение фактической невозможности формального соборования всей Церкви, как бы отвлеченно этого ни желать: все “единомысленные о Христе” не могут быть объединены фактически, как одну минуту об этом мечтали первые иерусалимские христиане, учредившие у себя даже общность имущества. Жизнь налагает невольно необходимость образования групп; но это образование отдельных групп есть именно явление земного несовершенства, и может быть “лишь терпимо”, поскольку оно может идти рука об руку с основной идеей единства, а не обращено в начало о себе довлеющее, в нечто о себе желательное.

В сущности, в Церкви все, что не безусловно согласно с идеей единства, даже внешнего, есть только земной минус, вносимый в высшую основную идею - христианского единства; идеал церковный, это – «едино стадо и един Пастырь»; и поэтому, до некоторой степени, папизм стоит на почве правильной: в этом его и сила, и если он доходит в своем проявлении до квазикошунства, то это лишь потому, что он сам - плод, так сказать, материализации духа, стремления осуществить на деле, на земле то, что может быть осуществлено лишь, когда человек отрешится, а пока - только насколько он отрешается, от уз плоти.

Но “в идее” эта усиленная потребность единения, конечно, менее противна идее христианского строя, чем таковая же возможного обиндивидуаления каждой группы верующих, сходящихся, лишь по земным случайностям, в известном пункте - храме. Поскольку еще идея жива, что этот храм есть принадлежность всей Церкви и ее выражает, а не есть собственность этой случайной группы, собирающихся в ней молиться людей, что в этом храме, символизирующем именно идею всецерковности, все равны, прихожане и не прихожане, постольку приходский храм, с его бытовым приходом, не нарушает высшую идею. И действительно, не так ли смотрит на этот вопрос любой верующий “простец”? Когда он несет свою лепту в церковь, он именно несет ее в “Церковь”, а не в кассу специально того или другого храма. Что это так, тому доказательство то, что громадное большинство опускает свою лепту совершенно безразлично, в какую бы церковь он ни попал: он жертвует на “Церковь”, и в каждой церкви он себя считает таким же прихожанином, пока он в ней молится, как и так называемый форменный прихожанин. Церковь т.е. терпит приход, а не возводит его в нечто “о себе ценное”. И, конечно, раз Церковь земная живет в условиях пространства и времени, она и считается с этими условиями, давая им то значение, которое они играют в нашей жизни, как нечто неизбежное – “но не более”.

Параллель довольно точную, для уразумения отношения Церкви к неизбежному группированию верующих по приходам, мы можем найти в отношении Церкви к семейному началу. Апостол говорит, что, кто не заботится о близких, тот заслуживает порицания; Христос и Церковь благословляют брак, и тем, конечно, утверждают и последствие его - семью; но, рядом с этим, христианство всячески тщится ввести семейную жизнь в возможно скромные пределы, постоянно напоминая, что она должна уступать первенствующее место, занимаемое ею дотоле в языческом мире, высшему началу единения о Христе, единению, перед которым семейное начало должно сходить на второй, дальний план. «Не называйте никого отцом!» «Кто мать Моя и братия»? И далее, во всей истории христианства, вы постоянно видите, как мало места отводится,

так сказать, апологии семейности с тех пор, как у человечества родилось представление о единстве высшем всех, в Боге и Христе. Тоже и в деле образования естественных бытовых групп в Церкви. Не поощрять их дальнейшую наклонность, присущую всякой естественной группе, к большему и большему обособлению, а, наоборот, напоминать постоянно, что они лишь явления физически - неизбежные и существующие, так сказать, в ущерб высшей идеи единства: вот что по отношению к попыткам ультраприходофилов должна говорить Церковь, указывая при этом на то, что хотя некоторые и находят, что приходская деятельность, почти исчерпывающаяся единением в молитве, не полна и, так сказать, только в зародыше, но что это есть совершенное недоразумение: ибо, по учению Евангельскому, нет ничего выше единения молитвенного: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их» (Мф.18, 20). «Что попросят у Бога совместно, то будет дано».

Чего же искать и желать большего? Приходский храм и естественное приходское единение дают возможность осуществить то высшее, к чему только может стремиться христианин, и поэтому высшая задача приходской совместной жизни, под руководством доброго пастыря, должна быть именно эта: возможное взаимное молитвенное возгревание друг друга; и на этой почве, конечно, приход не рискует обострить в себе тот индивидуалистический зародыш, который так опасен в отдельных лицах и в обществах, которые не подчиняют его постоянно высшему началу единства. Жизнь прихода - общение в храме и единение в молитве, - что, конечно, вовсе не исключает возможности некоторых функций, напр., благотворительности, обучения и др., которые могут почитаться практическими результатами молитвы истинной. Приход, по нашему мнению, должен быть средоточием именно молитвенной жизни Церкви, в отличие от той «всесторонне объединяющей единицы», во главе которой поставлено лицо, снабженное дарами благодати «пасти церковь» во всех ее проявлениях земных - от поместной церкви. Епископу, именно, даны дары благодати, чтобы «пасти», так как без такого вожатого Церковь земная может сбиться с пути. Пастырю приходскому этих даров не дано, и его единственное дело состоит в том, чтобы молитвенно объединять и по возможности назидать собственной жизнью группирующихся около него верующих. Всякая же попытка формально организовать эту молитвенную единицу может лишь ввести в нее и в самую Церковь такие начала единения - не органического и не молитвенного, которым противодействовать в местной церкви дано «благодатью управления» епископу, но не дано иерею, и которые, как показывают попытки формулирования приходского строя, лишь угрожают, под самыми прекрасными предложениями, обратить приход в нечто, не только не имеющее утвердить, а могущее только расшатать истинную церковную жизнь. Если приход поддастся приманкам «отвечать собственными силами на все запросы жизни», то можно опасаться, что, под покровом именно необходимой для сего регламентации, он сделается чем-то, сначала полуцерковным, а, чего доброго, под конец весьма «самочинным».

Приход, думаем мы, есть та бытовая, естественная почва, на которой должны себя совместно проявлять чисто духовные и, особенно, естественно-общественные запросы верующих, с одной - и учительско-пастырская деятельность пастырей с другой стороны, т.е. то, что составляет самую существенную часть истинно церковной жизни. И в этом отношении приход может и должен почитаться «основой общецерковной молитвенной организации». Церковь, объединяющаяся из приходов, где тепло и усердно молятся, и где пастыри словом и делом насаждают слово Божье - такая Церковь будет сама и

жива, и цветуща, и духовно к тому же свободна, ибо где дух Христов, там свобода (но не наоборот). Простой народ это живо понимает, и потому все свои надежды обращает именно на то, чтобы создаваемая им в себе духовная немощь находила восполнение в благих пастырях, и в реформы форм не верит.

Где же искать и как найти таких, по возможности, идеальных пастырей? Вот, по-нашему, вся задача, действительно предлежащая высшей церковной власти, будь она синодальная, патриаршая, руководимая соборами или даже временно предоставленная сама себе, до тех пор, пока истинная соборность не оживет по духу, а не по одному новейшему законоположению.

III. Пастырь

На примере отца Иоанна Кронштадтского мы видим, чего именно желает народ православный для своего церковного устройства и в чем полагает найти искони им желаемое духовное основание церковной жизни. В этом, как и во многом другом, простецы являют себя более чуткими к истинному пониманию того, что “на потребу”, чем те, которые себя почитают (и, конечно, в некотором смысле основательно) “мудрыми и разумными”.

Русский человек испокон века являет в себе много весьма странного и не легко объяснимого. С.А. Рачинский очень верно говорил, что, хотя русский народ давно крещен, но доселе остался почти не оглашен проповедью евангельскою: это, пожалуй, подтверждается историей распространения христианства в России. Но рядом с этим мы видим в этом народе, как бы неоглашенном, такое подчас жизненное понимание Евангелия, которого тщетно приходится искать между дипломированными богословами. Евангелие строит Церковь на схеме “пастырь и овцы”. Тот, кто наименовал Себя «Пастырем овец», которые «глас Его слышат и по Нем идут» и т.д., поручил дело пастыби овец заменяющим Его пастырям: «паси овцы Моя». И это дело пастыби овец пастырем добрым так живо и так просто проникло в народное понимание схемы церковного строя, что у нас, по крайней мере, для христианина-крестьянина Церковь представляется в виде конгломерата отдельных, объединенных молитвой, стад церковных овец, под руководством доброго пастыря, поучающего не столько словом, сколько делом, как осуществлять учение Христово и жить по-Божьи.

Храм для народа - это, так сказать, Христова овчарня, в которую овцы заходят для единения в молитве, и тут-то священник-молитвенник является в полноте своей церковной роли, т.е. молитвенного пастыря, и именно такого, от которого ищут только духовного водительства, а не какого-либо иного, как думают некоторые интеллигентные радители о благе церковном. Отец Иоанн тем именно и был силен в народе, что он вызывал только молитвенные запросы и им служил собственным примером; тем же объясняется и то, почему так мало влияют на народ пастыри, мнящие служить целям общекультурным, до учительства школьного включительно. Священники хозяева, пчеловоды, врачи и т.п. - представляются крестьянам делающими дело, может быть, и хорошее, но не священническое, и, как сказано выше, даже школьное учительство считается в народе делом не священническим по существу. Один очень ревностный к учебному делу священник с удивлением говорил, что его прихожане никак не могут понять, что учительство есть такая же обязательная для него функция, как и богослужение, совершение таинств и т.д. Для народа - решаемся мы это утверждать - приход есть единица молитвенная, и пастырь - руководитель в молитве (понимая,

конечно, таковую в ее живом всеобъемлющем значении, а не только в ритуалистическом). Отсюда получается то очень заметное для всякого явление, что народ у нас охотно подчиняется такому, так сказать, молитвенному пастырю и очень не охотно поддается влиянию пастырей благочестиво-деловитых, по типу католических патеров, деятельность коих почти всегда заходит за пределы чисто духовные. Тот же отец Иоанн Кронштадтский известен всей России, как молитвенник и безсребренник; но кто же в народе его чтит, как устроителя домов трудолюбия, хотя, конечно, и это тоже очень почтенное его насаждение? В пастыре православном народ хочет видеть лицо, по возможности осуществляющее чисто христианские добродетели, лицо идеальное, а не утилитарно-полезное: таковых он охотно ищет инде и умеет их по-своему, но иначе, ценить.

В пастыре мы все желаем найти тип для почитания по мерилу христианскому, и таковое почитание вовсе не предполагает формального подчинения влиянию, каковое почти всегда сопровождает деятельность чтимых католиками патеров и протестантами пасторов, особенно сельских. Православное отношение к пастырю есть выражение истинно-христианского начала церковного чиноначалия, идущего рука об руку с идеей христианской свободы, коей так дорожила всегда православная Церковь, и которая составляет отличительную черту ее от всех других христианских исповеданий, вечно колеблющихся между двумя полюсами: властного авторитета и самочиния.

Церковь должна быть пасома, и, конечно, чтобы она паслась на «пажитях злчных», у «вод покойных», требуются пастыри, стоящие на высоте своего призвания и, конечно, при условии желанья овец быть водимыми. При этих условиях получаются те два фактора, из которых слагается вся церковная дисциплина.

Оттого народ русский, понявший дух христианства чутьем, изначально стал искать пастырей добрых и, вероятно, находил таковых, хотя бы мы и не знали имен большинства из них. Только чрез таковых пастырей, не столько, может быть, действовавших словом, сколько поучавших делом, получилось то явление, о котором было сказано выше, что русский народ уразумел христианство по существу его, хотя почти нигде не способен был выдерживать того испытания в вероучении, которое у западных требуется для «конфирмации». Конечно, нельзя не желать, чтобы в народе развивалось и более сознательное «знание» веры, рядом с ее жизненным пониманием («молюсь духом», говорит Апостол, «молюсь и умом»), но пока это жизненное понимание все-таки руководило религиозной жизнью народа настолько верно, что он в главных вопросах церковной жизни стоял и стоит на твердой почве. И теперь, когда только и говорят, что о формальных изменениях «порядков», тело церковное вздыхает лишь об одном - о том, чтобы ему дали духовную живую пищу, каковую призваны изготовлять для него добрые пастыри, знающие, где «пажити злчныя и воды покойныя». Такие пастыри, думаем мы, были у народа во всю его допетровскую историю, и, главным образом, они исходили из той живой школы, которая так или иначе завершалась в монастырях и их подвижниках. Посему, в народе доселе так чтятся именно подвижники-иноки, которых народ почитает настоящими наставниками своими, хотя бы от них не осталось ни слова поучения, а только одна слава их праведного жития, суть которого сводится к одному: «не любите мiра, ни того, что в мiре», а вовсе не заключалась в наставлениях о том, как благоустроить земную жизнь, хотя бы и под сенью креста, чего так усердно ищут те, которые хотят создать в приходах именно ячейки земного благоустройства христианской церковной общины.

Таких пастырей, которые соответствовали бы требованиям пасомых по отношению к духовному водительству, - их-то жаждет народ снова найти; а для того, чтобы таковые у нас явились, надо, чтобы они были так или иначе близки народу по бытовым понятиям и по строю жизни, т.е. именно такими, каковы были те неведомые нам по имени, но несомненно существовавшие до известного времени пастыри, которые "допасли" стадо свое до тех времен последних, когда оно утратило, вследствие исторических судеб, духовное водительство пастырей, благодаря чему масса русского народа осталась "сиротой". Священников-пастырей теперь почти что нечего и искать, разве только в городах, где они несколько слились со средою, к которой для пастырства приставлены. Священники-интеллигенты иногда с успехом и теперь действуют в интеллигентной или полуинтеллигентной среде городского населения. Но в деревнях уже почти нельзя найти такого типа иереев, о каких тщетно вздыхает народ, и представителя каковых он как бы нашел в отце Иоанне.

Чем же представляется народу отец Иоанн? А именно тем, чем по народному понятию пастырь должен быть: неустанным молитвенником и совершенным нестяжателем. Таков, действительно, идеал пастыря, не только простонародный, думаем мы, но и идеал общецерковный; и вот, таких-то пастырей и нужно Церкви нашей для того, чтобы она возродилась духом при теперешних или при иных административных регламентах, которые будущий собор и, может быть, будущий патриарх для нее придумают.

Нельзя, однако, скажут ревнители духовного просвещения, допустить, чтобы одна религиозно-нравственная сторона исчерпывала все значение христианского пастыря. Ведь, кроме того, чтобы учить примером, необходимо, чтобы пастырь наставлял пасомых в вере, сообщая им догму того учения, которое они должны действительно проявлять к жизни. На это вполне веское замечание можно многое ответить. Конечно, пастырем не может быть тот, кто не знает, куда, на какую пахить вести овец.

Но о такой крайности не может быть и речи. Однако, если пастырями, даже по смерти пасущими Церковь, могли быть неученые преп. Сергей и другие, до св. Серафима Саровского включительно, то почему, непременно, надо почитать, что лицо недипломированное в наши дни не может руководить людьми по пути ко спасению? Ведь сама Церковь разделяет в своем культе "пастырей" и "учителей", и, как иллюстрация всецерковная этого различия, могут служить, с одной стороны, представители пастырства - Николай Чудотворец или Спиридон Тримифунтский и др., а с другой стоят учителя вселенной: Василий Великий, Афанасий, Златоуст и др. При этом надо заметить, что у нас народное почитание гораздо более на стороне пастырей, чем учителей.

Сознают ли наши пастыри свою отчужденность от пасомых (под пастырями следует понимать и архипастырей), или нет? Вероятно, да, потому что едва ли можно жить отчужденно, и не чувствовать этого! Современный священник для прихожанина, особенно деревенского, является лицом, ничего не делающим иначе, как за плату, хотя бы и малую: духовного общения нет, такого, которое устраняло бы всякую идею платы. И это, конечно, в большинстве случаев, вовсе не следствие иерейской жадности; никто, ведь, докторов не обвиняет за то, что они не делают визитов бесплатно; это есть следствие того житейского отчуждения, которое доводит до минимума сношения бесплатные и оставляет на виду "только платные".

Пастырь-молитвенник, трудящийся бесплатно и даже раздающий получаемое, каким является о. Иоанн, не мог не сделаться предметом всеобщего удивления, а за сим - и

общего народного почитания. Такими же истинными пастырями являются народу (и не одному простонародью) Оптинские старцы; и надо к этому добавить, что вообще в народе черное духовенство окружено большим ореолом, чем белое, именно потому, что народ видит в иноках молитвенников, а с возможным их сребролюбием встречается на почве лишь “добровольных” приношений.

Когда дело пастырства обращается в достояние касты, т.е. из дела призвания делается просто вопросом питания, то, конечно, элемент идеальный все более и более уступает чисто бытовому, материальным интересам. Хотя нельзя не признать, что некоторая наследственность в занятиях всякого рода имеет свои достоинства (у нас, напр., нельзя не признать, что суровая жизнь сельского духовенства очень способствует выработке таких характеров, которые нужны для прохождения тяжелого с внешней стороны служения церковного); но если такая наследственность не нежелательна, то во всяком случае она должна быть все-таки подчиняема высшим идеальным требованиям призвания, и, следовательно, все, что может облегчить выход из духовного звания непризванных, и рядом с этим все, что может облегчить доступ к церковному служению людей, призванных к этому, не только желательно, но необходимо.

В сущности, теперешняя духовная среда останется, при всех возможных условиях, господствующей в деле служения алтарю, но ее служение будет только тогда плодотворно, когда она сама очистится от присутствия в ней тех элементов, которые теперь лишь дискредитируют духовное сословие, на том даже, может быть, только основании, что «дурная слава бежит, а добрая лежит». К тому же несомненно, что и добрые элементы духовного сословия несколько склонны к пассивности, в виду сознания, что конкуренции нет. Можно смело надеяться, что, если в среду епархиального духовенства вступит несколько десятков людей из других сословий, искренне преданных своему делу, то они с пользой воздействуют на сотни лиц из того же духовного сословия, которые только потому себя не проявляют с наилучшей стороны, что нуждаются во внешнем стимуле, в поддержке, и пока - не находят оной...

Духовенство, воспитываемое в своих сословных училищах, начиная с “начальных”, до такой степени принимает тип, чуждый и народу, и обществу, что оно прямо лишается возможности жизненно воздействовать как на одного, так и на другое. Для народа - священники суть грамотеи, которых он не понимает, а они, с высоты своего богословского мирозерцания (если только оно у них серьезно есть, в чем позволительно сомневаться), его даже и не стараются понять; для общества же духовенство является чем-то вовсе чуждым, потому что оно своим духовно-техническим знанием совершенно лишено того, что называется культурой, в широком смысле слова, т.е. страдает тем, чем страдают почти все разнородные техники, которым этот недостаток прощается лишь потому, что к ним применяются иные требования, чем к тем, которых истинное призвание - руководить по пути христианского просвещения, а таковое, как высшее, непременно всесторонне.

Эти недостатки, конечно, могли бы искупаться в значительной степени, если бы, по крайней мере, в специально-духовных школах давалось строго-церковное воспитание. Если бы из семинарий и академий выходили люди действительно церковные и по понятиям, и по вкусам, и по жизни, то с другими их недостатками можно легко бы помириться мирянам; истинная любовь к Церкви, даже в тесном смысле храма, в конце концов всех объединила бы. Но в этом именно отношении кастический строй себя наиболее изобличает и в конец губит; ибо школы с высшими задачами, в которые

поступают, без различия, и чувствующие призвание, и вовсе не чувствующие такового, каковых теперь, когда духовное сословие размножилось, слишком достаточно, и все они смотрят на прохождение через училища и семинарии лишь как на путь для достижения вовсе не церковных должностей, - такие школы не могут даже и сохранить в себе церковного духа в отношении дисциплины и внешней, и внутренней; и, конечно, выходящие из них даже хорошие юноши далеко не являют ни народу, ни обществу тех желанных служителей алтаря, которым самим дороже всего «привитать в дому Господнем».

События последних времен ясно доказали, что, в отношении нравственном, духовные школы ничуть не лучше светских, и при этом очень ясно выказалось, в чем дело. Почти все требования семинаристов сводились к получению прав, равных гимназическим; и это вполне естественно. Загнанные поневоле в духовные училища, дети духовенства, для которого эти училища являются одновременно и воспособительными в отношении расходов на обучение, стремятся выйти из них на свободу для приискания других профессий. Но тогда ясно становится и другое, что весь вопрос об образовании пастырей сводится к тому, чтобы не было более таких условий воспитательных, при которых непризванные поощрялись искусственно к поступлению в священническое звание, призванные же из других сословий искусственно устранились от поступления в священнический чин, и чтобы учрежденные для будущих пастырей учебные заведения были доступны всем прошедшим известное общее образование, а не начинались бы с почти младенческого возраста, как теперь; результатом чего получается в «кончалых» семинаристах такое пресыщение даже Св. Писанием, какое получается в воспитании светском от обучения музыке и рисованию с ранних лет. Светские дети, при первой возможности, бросают живопись и музыку, а кончалые семинаристы - почти уже никогда более не берут в руки Писания, кроме как для литургических целей.

В духовно-учебных заведениях, устроенных для учеников, добровольно избравших путь священства, очень легко будет установить дисциплину, построенную на началах церковности бытовой; и из таких школ, наверное, будут выходить пастыри, любящие свое дело; и этим разрешится вопрос о единении пасомых с пастырями на почве любви к Церкви и к ее внешнему выражению - храму.

Выше было, однако, замечено, что пастырство не безусловно неотделимо от словесного учительства. Пасти разумное стадо можно нередко и гораздо лучше делом, примером, чем одним словесным поучением. Если бы это положение было принято во внимание более, чем это делается теперь, то, вероятно, епископы чаще пользовались бы и теперь имеющимся у них правом возводить на церковные степени лиц, известных своим нравственным достоинством, хотя и не прошедших формального богословского курса, но, конечно, настолько сведущих в учении и знакомых с ритуалом, насколько это необходимо для вверяемого им дела. Если Апостол мог сказать, что «буяя мира избра Бог, да премудрыя посрамит», то отчего же нельзя допустить, что для полезного служения Церкви нужны вовсе не свидетельства и дипломы. Эти последние в сущности очень недавнего происхождения; и если бы они были, действительно, очень нужны для проповеди веры, то, вероятно, или Церковь завела бы их издавна, или сама бы извелась. Один из самых опасных симптомов нашей русской по всем направлениям лжекультуры - это поклонение дипломам. Чем менее ценится сущность, тем более выставляется ребром форма. И, к несчастью, наша церковная жизнь так глубоко прониклась этим формализмом, что в ней дипломопоклонение острее, чем во всех других ведомствах.

Каковы же последствия сего? Это, кажется, всем очевидно.

Примечания:

1. Особенно, если бы во главе епархий стали достойные наследники Тихона Задонского, Митрофана Воронежского, Дмитрия Ростовского и т.д.
2. Да не подумает читатель, что пишущий эти строки сам идеализатор до крайности Кронштадтского пастыря. Глубоко чтя его личные высокие качества, мы здесь берем его только как симптом, а не делаем ему личной оценки, которой еще не пришло время.
3. Истинная Церковь, для которой не страшны врата ада, всегда себе верна, каковы бы ни были ее внешние судьбы. Вот выписка из путешествия В.Г. Барского, в которой необыкновенно живо выражена эта вера, которой дай Бог нам всем побольше иметь: «Церковь Христова... никогда же ни от кого же преодолена бывает, ниже будет. Стоит бо недвижимо, аки гора, красится красотою, аки невеста, сияет в сем міре, аки солнце, светя на благия и злыя; пребывает тверда, аки адамант, процветает, яко крин посреде терния, горит всегда непрестанным пламенем любве, яже к Богу, его же никаким видом всякие еретичествующих ветры угасити не могут; никогда смущается, всегда веселится, победную воспевающе песнь».
4. Вспоминается выражение митр. Моск. Иннокентия: наше духовенство ушло в жречество, забыв о пастырстве.
5. Конечно, не без епископов, носителей полноты даров церковных

Д.А. Хомяков. Собор, соборность, приход и пастырь. Благовест, Саратов, 1996.
Перепечатано с издания «Религиозно-философской библиотеки»: М., 1917 г.